

УДК 94(73) 1977/1981

DOI: 10.31857/S032120680006806-0

Курдский вопрос в политике администрации Дж. Картера в контексте Иранской революции (1977–1980 гг.)

А.И. Сенников

Вятский государственный университет.

Российская Федерация, 610020 Киров, ул. Московская, 36.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9329-2839> e-mail: usr12154@vyatsu.ru

Статья поступила в редакцию 14.06.2019.

Резюме: В статье рассматривается место курдского вопроса в ближневосточной политике администрации Дж. Картера в 1977–1980 гг. и влияние на выработку политики в отношении движения курдов в период Иранской революции. Охарактеризованы ключевые формирования курдского национально-освободительного движения этого периода в Иране и Ираке. В данном контексте рассмотрен процесс формирования двусторонних отношений США с Тегераном. Исследуется деятельность наиболее влиятельных фигур курдского движения, выявлены их связи с представителями американского руководства и политическими элитами Ирана. Анализируется участие ЦРУ в сборе информации по курдской проблеме на Ближнем и Среднем Востоке и в реализации практической политики. Характеризуются причины нежелания США развивать отношения с курдским национальным движением в рассматриваемый период.

Ключевые слова: курдский вопрос, ближневосточная политика США, Дж. Картер, 36. Бжезинский, Ближний Восток, ЦРУ.

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научно-го проекта № 17-01-00330.

Для цитирования: Сенников А.И. Курдский вопрос в политике администрации Дж. Картера в контексте Иранской революции (1977–1980 гг.). *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2019; 49(10): 78-97. DOI: 10.31857/S032120680006806-0

The Kurdish Question in the J. Carter Administration's Policy in the Context of the Iranian Revolution (1977-1980)

Alexey I. Sennikov

Vyatka State University.

36 Moskovskaya St., Kirov, 610020, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9329-2839> e-mail: usr12154@vyatsu.ru

Received 14.06.2019.

Abstract: The article explores the place of the Kurdish question in the Middle East policy of J. Carter administration in 1977-1980 and its influence on the development of approaches to

understanding the Iranian revolution. The Author characterizes key groups of the Kurdish national liberation movement of this period in Iran and Iraq. The text is considering the process of forming bilateral relations between the United States and Tehran. The paper researches activities of the most influential figures of the Kurdish movement, revealing their contacts with the representatives of the American leadership and the political elites of Iran. The Author analyzed CIA's participation in collecting information on the Kurdish problem in the Near and Middle East and in implementing practical policies. The paper reviews the reasons for the reluctance of the United States to develop relations with the Kurdish national movement during the Carter presidential term.

Keywords: Kurdish question, U.S. Middle East Policy, J. Carter, Zb. Brzezinski, Middle East, CIA.

Acknowledgements: The paper is written under financial support of the Russian Foundation of Basic Research. Project #19-014-00007

For citation: Sennikov A.I. The Kurdish Question in the J. Carter Administration's Policy in the Context of the Iranian Revolution (1977-1980). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2019; 49(10): 78-97. DOI: 10.31857/S032120680006806-0

ВВЕДЕНИЕ

Сорок лет назад, в феврале 1979 г., в Иране произошла Исламская революция. Она оказала большое влияние на международные отношения и стала фактором изменения внешней политики США в 1980-е годы. Импульс революции вызвал активизацию политических движений различного толка на всём пространстве Ближнего Востока, в том числе он привёл к новому витку курдского национально-освободительного движения на пространстве исторического Курдистана.

Рост активности курдов, наблюдавшийся на фоне важнейших событий в ряде стран Востока (действия левых сил в Индокитае, победа Саурской революции в Афганистане и Исламской революции в Иране) и на международной арене (продолжение разрядки в американско-советских отношениях и кэмп-дэвидские переговоры между Израилем и Египтом при американском посредничестве), был замечен руководством США и учитывался при планировании и реализации политики на Ближнем Востоке и в Юго-Западной Азии. Цели статьи – прояснить политику администрации Дж. Картера в отношении курдского вопроса в 1977–1980 гг.; выявить факторы, влиявшие на восприятие американцами курдского движения после Исламской революции в Иране; определить, какое место в планах Вашингтона по противодействию режиму Хомейни в конце 1979 г. и 1980 г. занимало движение курдов.

Статья подготовлена на основе имеющегося на данный момент отечественного и зарубежного историографического материала, открытых американских источников, в том числе документов Государственного департамента, Цен-

трального разведывательного управления (ЦРУ) и Совета национальной безопасности (СНБ) США.

США И КУРДСКИЙ ВОПРОС В ПРЕДДВЕРИИ РЕВОЛЮЦИИ В ИРАНЕ

В первой половине 1970-х годов администрации Р. Никсона и Дж. Форда были замешаны в тайной операции по поддержке иракских курдов в борьбе против Багдада [Сенников А.И., 2017]. Она стала возможной после того, как иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви в 1969 г. вступил в сговор с курдским лидером Муллою Мустафой Барзани, направленный против общего противника – баасистского режима в Ираке, – и попросил американское правительство также оказать помощь курдам. Вашингтон согласился на участие в подобной сделке по трём причинам: 1) из желания поддержать Иран в его борьбе за пересмотр границы с Ираком по реке Шатт-эль-Араб; 2) чтобы сковать иракскую армию в Южном Курдистане, тем самым не допустить переброски иракских сил для участия в новом арабо-израильском конфликте; 3) чтобы оказать давление на СССР и вынудить советское правительство пересмотреть отношения с арабскими и курдскими партнёрами [Meho L., 2004: 3-4].

Постепенно ценность курдов для решения американских проблем на Ближнем Востоке стала снижаться. После арабо-израильской войны 1973 г. вероятность нового конфликта угасала на фоне улучшения американо-египетских отношений. В марте 1975 г. на Алжирской конференции стран – членов ОПЕК шах М.Р. Пехлеви смог договориться с лидером иракской делегации и вторым человеком в иерархии баасистского правительства Саддамом Хусейном о пересмотре границ и подписал с ним ряд соглашений. Иран, получив желаемое, отказался от поддержки курдов. Ситуация усугублялась военной операцией в Иракском Курдистане, начатой Багдадом в марте 1974 г. против сил М. Барзани, которую последние проигрывали. Госсекретарь США Г. Киссинджер (в должности в 1973–1977 гг.) посчитал, что спасение курдов в такой ситуации потребовало бы «открытие нового фронта в негостеприимных горах [Северного Ирака. – А.С.], на самой границе с СССР», что было нереалистично «из-за логистической удалённости и невозможности оправдать подобную операцию в глазах американской общественности» [Kissinger H., 1999: 585]. Курдские силы, оставшиеся без поддержки со стороны Ирана и США, потерпели поражение, а их лидерам пришлось покинуть Иракский Курдистан [Сенников А.И., 2019: 13].

Во время президентской избирательной кампании в США 1976 г. курды предпринимали попытки наладить контакты с американской политической элитой и привлечь внимание её представителей к своим проблемам. Игнорирование республиканской администрацией курдской проблематики, происходившее на фоне

скандала вокруг секретных операций ЦРУ¹, побудило лоббистов курдских интересов в Соединённых Штатах обратиться к представителям Демократической партии. Конгрессмен Г. Джексон и сенатор У. Проксмайер отстаивали интересы курдов в Конгрессе [Meho L., 2004: 33]. Однако надежды, возложенные на Г. Джексона, номинированного на выборах президента США 1976 г. одним из кандидатов от Демократической партии, не оправдались. Победителем президентской гонки стал Джимми Картер. Его предвыборный штаб не стал обращать внимания на добивавшихся встречи курдских лидеров. Как отмечал бывший сотрудник Госдепартамента Д. Корн, в то время отвечавший за регион Ближнего и Среднего Востока, курды оказались вне поля зрения сформированной президентской команды [Korn D., 1994: 18-19].

Новая администрация выбрала ключевым вектором своей внешней политики продолжение разрядки [Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т., 2019]. Этому курсу была подчинена и ближневосточная политика Вашингтона, где доминирующим вопросом стало арабо-израильское урегулирование [4: 5]. В то же время большое значение придавалось Персидскому заливу, где сталкивались интересы СССР и США².

Декларируя намерение снизить международную напряжённость, с одной стороны, и обеспечить стабильность в зоне Персидского залива – с другой, Вашингтон сделал ставку на продолжение никсоновской политики вооружения Ирана и параллельное улучшение отношений со странами Ближнего и Среднего Востока [Carter J., 1982: 279; Vance C., 1984: 314]. Эта задача также коррелировала с устремлениями США в арабо-израильском урегулировании. Дж. Картер декларировал готовность пойти на улучшение отношений с Ираком и Сирией [5: 420] и был заинтересован в поддержании мирного сосуществования Ирана и Ирака, сложившегося после подписания Алжирских соглашений 1975 г. Решение последней из перечисленных задач было непосредственно связано с курдской проблемой и предполагало урегулирование широкого спектра региональных противоречий. Оно затрагивало клубок двусторонних и многосторонних отношений между Ираком, Ираном, Сирией, Турцией, СССР и США. Американское правительство дало понять странам Ближнего Востока, что не поддерживает курдскую деятельность вне зависимости от того, откуда она исходит [5: 422].

В 1977 г. в американском экспертном сообществе превалировало мнение, что у шахского режима в Иране нет реальной оппозиции. Разведывательные службы считали, что любые антимонархические движения в этой стране обречены на

¹ Информация из не оглашённого доклада о секретных операциях ЦРУ за рубежом, подготовленного комиссией конгрессмена О. Пайка [21]. Отдельные материалы доклада также были переданы журналистам и обнародованы [13; 15; 19].

² В феврале 1977 г. эксперты Совета национальной безопасности С. Хантингтон и У. Одом в аналитической записке своему начальнику Зб. Бжезинскому и президенту Дж. Картеру отметили, что именно в зоне Персидского залива наиболее вероятным было военное столкновение двух сверхдержав [Emery C., 2013: 30].

провал. Местные националистические движения, в том числе иранских курдов, здесь не имеют достаточной силы и сплочённости, чтобы угрожать стабильности и целостности государства [Emery C., 2013: 37]. Такую оценку разделял и президент Дж. Картер, который произнёс 31 декабря 1977 г. в Тегеране ставший печально знаменитым тост: «Иран является островом стабильности в одном из наиболее проблемных районов мира» [Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т., 2016: 107].

США стремились минимизировать вероятность военного конфликта между Ираном и Ираком, поэтому поддерживали действия Тегерана, направленные против курдских провокаций на ирано-иракской границе [3: 60-61]. На территории Ирана действовало несколько курдских групп, которые могли инспирировать начало конфликта между двумя странами. Первая – Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК) во главе с А.-Р. Касемлу, которая в зависимости от обстоятельств ставила своей целью отделение Иранского Курдистана или получение им автономии. Эта группа в большей степени ориентировалась на Советский Союз и баасистский Ирак [Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т., 2019], имела связи с иракскими и турецкими курдскими вооружёнными формированиями, но до революции 1979 г. существенной поддержки извне не имела [Gunter M., 2008: 132]. К ДПИК примыкали левые курдские и иранские формирования, такие как «Комала», «Туде», Организация партизан-фидайинов иранского народа (ОПФИН), леворадикальная фракция А. Дехгани [Специальный бюллетень..., 1990: 24]. В то же время лидеры ДПИК искали поддержки в США [Сенников А.И., 2018: 42].

Вторая группа – курды-беженцы из Иракского Курдистана, участники движения Муллы Мустафы Барзани. После поражения движения в 1975 г. внутри Демократической партии Курдистана (ДПК, аналог ДПИК в Иракском Курдистане) шла полемика о дальнейшей стратегии и поиске союзников. Мустафа Барзани, формально отошедший от главенства в партии, и примыкавшие к нему М. Доски и Масуд Барзани (младший сын Муллы Мустафы) стремились вновь заручиться поддержкой США и Ирана, для чего предпринимали поездки в Вашингтон. Госдепартамент отслеживал перемещения Мустафы Барзани по территории США [3: 56], но на прямые контакты с ним американцы не шли.

Реальная сила в это время находилась у оставшихся в Иране лидеров иракских курдов – исполнявшего обязанности главы ДПК Идриса Барзани (старшего сына Муллы Мустафы) и первого заместителя председателя ДПК А. Абдуллы. Считавшиеся молодыми партийными деятелями, они имели отличные от прежнего руководства взгляды: выступали за то, что курдам нужно в первую очередь опираться на собственные ресурсы [McDowall D., 2004: 281]. В отношении этой группы иранское правительство предпринимало сдерживающие действия и фактически контролировало ситуацию [3: 61]. ЦРУ также следило за курдской активностью и оказывало давление на представителей ДПК в Тегеране и Вашингтоне [Ozoglu H., 2013: 209].

После краха курдского восстания в Ираке в 1975 г. оставались и другие осколки движения Барзани: Дж. Талабани, окончательно порвавший с ДПК, обосновался в Сирии, где создал собственную политическую организацию – Патриотический союз Курдистана, встроившись в противостояние Дамаска и Багдада [Чернова А.Ф., 2011: 100]. Бывшие члены ДПК, оставшиеся или вернувшиеся в Ирак после 1975 г., объединённые во фракцию Х.Х. Акрави, пошли на примирение с Багдадом, приняли установленную «усечённую» автономию и стали проводниками партийной линии «Баас» на местах [Entessar N., 1984: 922]. Ни движение Талабани, ни фракция Акрави не волновали Вашингтон с точки зрения возможного возобновления ирано-иракского противостояния.

РЕВОЛЮЦИЯ В ИРАНЕ, США И КУРДСКИЙ ВОПРОС (февраль 1978 г. – январь 1979 г.)

Начавшиеся с февраля 1978 г. волнения в Иране привели к дестабилизации политической ситуации в стране и нарастанию курдского движения на всей территории географического Курдистана. Среди иранских курдов началась фрагментация на сторонников и противников шаха [3: 62]. При этом среди курдов – противников шахского режима также не было единства, за исключением, пожалуй, одного вопроса – стремления к автономии.

Главенствующую роль в противостоянии с шахской властью играли секуляризованные силы, в первую очередь левые партии: «Комала», курдские отделения партий «Туде» и ОПФИН, однако из-за идеологических споров и расхождения взглядов на будущее государственное устройство левые не смогли объединиться и выступить единым фронтом [Специальный бюллетень., 1990: 24]. ДПИК удалось добиться превосходства над иными секулярными партиями благодаря их умеренной политической программе, не призывавшей к радикальным преобразованиям, но при этом жёстко требовавшей автономии для курдского народа [Gunter M., 2008: 132].

Исламское движение Иранского Курдистана было представлено двумя ветвями. Правые сунниты во главе с шейхом Иззиддином Хусейни солидаризировались с исламским движением Ирана и ратовали за установление религиозного управления страной, умеренную исламизацию общественной жизни, возрождение духовных основ, без которых, как проповедовал Хусейни, невозможно существование общества [Banuazizi A., 1988: 186], но не отказывались от курдских притязаний на автономию [3: 57]. Левые сунниты во главе с муфтием А. Мофтизадэ выступали за религиозное единение суннитов и шиитов против шахского режима, признание национальных прав курдов и уважение прав трудящихся [Ezzatyar A., 2016: 121]. Движение А. Мофтизадэ смогло привлечь к себе большое число сторонников как курдов-суннитов, так и курдов-шиитов, и даже стать выразителем интересов некурдских этносов Иранского Курдистана.

А. Мофтизадэ поддержали левые силы, такие как «Комала» и ОПФИН, объединившиеся с левыми суннитами в движение «Джамиатэ Захмат Кешан» (с персидского – «Труженики») [Ezzatyar A., 2016: 121-122]. К этому также можно добавить отсутствие антагонизма между правым и левым крыльями исламского курдского движения: Хусейни и Мофтизадэ находились в контакте и постоянно совещались друг с другом, пытались выработать общую позицию в отношении всего, что происходило в Тегеране [Ezzatyar A., 2016: 122]. Благодаря этим факторам в конце 1978 – начале 1979 г. «Труженики» обеспечили себе доминирующее наравне с ДПИК положение на политической сцене Иранского Курдистана.

Оставались также местные племенные организации, большинство из которых были либо промонархическими, либо нейтральными [3: 62]. В силу своей слабости и разобщённости они не стремились к столкновению с секулярным или исламским движением и заняли выжидательную позицию.

Вдохновлённые достижениями своих братьев в Иране, турецкие курды с осени 1978 г. начали выступать за свои культурные и политические права. Это привело к вооружённым столкновениям с турецкими органами правопорядка и армией [20]. Наибольший успех в привлечении сторонников сопутствовал левоориентированным курдским лидерам, таким как А. Оджалан. В ноябре 1978 г. он основал Рабочую партию Курдистана, которая объявила о начале борьбы за отделение Турецкого Курдистана и создание независимого курдского социалистического государства [O'Ballance E., 1996: 106].

Сфокусированная на американо-советской разрядке и арабо-израильском переговорном процессе, администрация Дж. Картера, как отмечает американский историк К. Эмери, «проглядела» Иранскую революцию [Emery C., 2013: 45]. После расстрела демонстрации военными формированиями иранской спецслужбы САВАК в Тегеране 7 сентября 1978 г. революционная волна стала нарастать как снежный ком. С каждым следующим месяцем ситуация становилась сложнее для американской внешней политики [Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т., 2019]. Команде президента пришлось срочно прорабатывать сценарии и новые подходы.

Среди руководства выделились две позиции: дипломатическая и военная. Сторонники дипломатической линии (государственный секретарь С. Вэнс, сотрудник Госдепартамента Г. Прехт, ответственный за отношения с Ираном, и глава аппарата Белого дома Г. Джордан) выступали за словесную поддержку шаха при давлении на него с целью либерализации режима [Carter J., 1982: 43; Jordan H., 1982: 6; Precht H., 2004: 11-12; Vance C., 1984: 326-327]. Опшониовавшие им члены администрации (советник по национальной безопасности Зб. Бжезинский, глава отдела СНБ по Ирану Г. Сик, министр обороны Г. Браун, глава ЦРУ С. Тёрнер) усматривали связь между Саурской революцией в Афганистане (апрель 1978 г.) и иранскими событиями [Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т., 2016: 107], считали реальной угрозой вхождения Ирана в орбиту советского влия-

ния [Brzezinski Zb., 1983: 376-377; Sick G., 1985: 129]. Наиболее приемлемым выходом из ситуации им казалось силовое подавление иранской оппозиции. Они также выступали за прямую дипломатическую и тайную разведывательную и военную поддержку промонархических сил [Emery C., 2013: 44]. Срединную позицию занял посол США в Иране У. Салливан, считавший необходимым оказать всевозможную дипломатическую поддержку шаху, но отвергавший возможность силового вмешательства в иранские события [Precht H., 2004: 12]. Постепенно У. Салливан пришёл к мысли о падении авторитета шаха и даже выразил мнение, что лучше бы монарх покинул трон. Эта линия была выдержана им в телеграмме в Вашингтон от 9 ноября, озаглавленной «Думать о немыслимом» [Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т., 2019].

Москва оказывала давление на американцев: 17 ноября 1978 г. генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев отправил президенту Дж. Картеру специальное послание, где выразил озабоченность попытками США оказать влияние на иранские события и предложил выступить с совместным заявлением о недопустимости вмешательства во внутрииранские дела [Добрынин А.Ф., 1996: 419]. В итоге Москва и Вашингтон официально заявили о невмешательстве в иранские события.

Происходящие в Иранском Курдистане столкновения рассматривались администрацией Дж. Картера в сентябре – октябре 1978 г. исключительно в контексте общих стратегических приоритетов политики США в этом регионе. Поскольку основная линия Вашингтона заключалась в поддержке шаха несмотря ни на что, в действиях иранских курдов видели лишь акты сепаратизма, считали их инспирированными извне, во многом потому, что активную роль в курдских выступлениях играли левые силы, ассоциированные с Москвой. В начале декабря Зб. Бжезинский на встрече с Г. Прехтом высказал предположение, что если победят оппозиционные силы (Хомейни), то курды «пойдут своим путём» к созданию самостоятельного государства [Precht H., 2004: 19]. В сепаратистских устремлениях курдов Зб. Бжезинского убеждал также посол Ирана в США [Emery C., 2013: 83].

Совокупность внутренних и внешних факторов, в первую очередь разобщённость президентской администрации и неспособность руководителей разных ведомств выработать единую линию поведения, привели к тому, что США оказались в роли наблюдателя, неспособного оказать должное влияние на иранские дела. Американская дипломатия была не в состоянии ни защитить шаха, ни отстоять собственные позиции ввиду отсутствия контактов с оппозиционными силами. В январе 1979 г. шах под давлением Вашингтона навсегда покинул страну. 1 февраля в Иран из многолетнего изгнания вернулся аятолла Р. Хомейни, который 11 февраля назначил М. Базаргана главой временного правительства. Окончательным закреплением политических результатов революции стало объявление 1 апреля в Иране исламской республики [Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т., 2019].

Возникшая политическая ситуация заставила США выбрать новый курс в отношении Ирана. Он заключался в поддержке правительства М. Базаргана, воздержании от действий, потенциально способных дестабилизировать Иран и разжечь антиамериканские настроения в иранском обществе [Brzezinski Zb., 1983: 470-471]. Президент Дж. Картер публично обещал не вмешиваться во внутренние дела Ирана и побуждал членов своей администрации приложить усилия к достижению как можно более благоприятных условий для американо-иранских отношений [Carter J., 1982: 433].

США И КУРДЫ: ОТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ХОМЕЙНИ ДО ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКОВ (февраль – ноябрь 1979 г.)

В феврале 1979 г. У. Салливан направил в Вашингтон отчёт о ситуации в Иране после победы революции [3: 62]. Он сообщил, что 3 февраля в американское посольство в Тегеране прибыла группа курдских делегатов во главе с Али Сулайманом (представителем ДПК), которые просили выделить им денежную помощь на нужды курдских беженцев как в Иране, так и в Ираке. У. Салливан, однако, отметил, что, хотя курды, несомненно, пострадали от политической нестабильности, их тяготы чрезмерно драматизируются. Посол отметил, что у ДПК в настоящий момент достаточно спонсоров за рубежом помимо американского правительства, чтобы оказать помощь курдским беженцам³. У. Салливан заключил, что США находятся в слабой позиции для отстаивания курдских интересов перед новым иранским режимом [3: 63]. В ходе следующих встреч А. Сулаймана с сотрудниками американского посольства курдский представитель затронул тему противостояния движений Барзани и Талабани. Он просил США оказать поддержку ДПК и обращал внимание на то, что Талабани получает помощь от иранской левой партии «Туде», аффилированной с Москвой [3: 66].

В конце февраля – начале марта посольство сообщило в Вашингтон информацию о действиях иранских курдов, направленных на получение автономии. В сообщениях отмечалось, что наибольшую силу в Иранском Курдистане имеют ДПИК и движение шейха Хусейни, которые выступают за автономию для курдов в рамках единого Ирана [3: 68-69]. У. Салливан обращал внимание руководства Госдепартамента, что правительство М. Базаргана не способно дать курдам автономию, которую они просят, а действия сторонников Хомейни могут спровоцировать радикализацию курдского движения [3: 70]. 18-20 марта 1979 г. в городе Санандж – центре иранской провинции Курдистан – начались вооружённые столкновения между курдами и лояльными центру силами [3: 72]. Стороны смогли прийти к соглашению о прекращении огня, а аятолла выразил мнение,

³ В этом же отчёте У. Салливан упоминает курдских сторонников в США. В следующем сообщении из посольства отмечается заинтересованность в помощи курдам со стороны Красного Креста и миссии ООН по беженцам [3: 64-65].

что произошедшие столкновения инспирированы антиреволюционными силами, поддерживаемыми из зарубежных стран [3: 73].

Доклады У. Салливана по курдскому движению свидетельствовали о наличии существенной проблемы: правительство М. Базаргана видело в курдах серьёзную угрозу стабильности в стране, а Хомейни был склонен считать беспорядки следствием иностранного влияния, и тень подозрений падала именно на Соединённые Штаты. Хотя после переговоров 21–22 марта между аятоллой Талегани, близким соратником Хомейни, и муфтием А. Мофтизаде, который в этот момент приобрёл наибольшее политическое влияние среди курдских исламских сил, Тегерану удалось прийти к перемирию и временному соглашению с иранскими курдами [3: 75-76], у Салливана не было иллюзий относительно долговечности подобных договоренностей.

До мая 1979 г. американская сторона не предпринимала серьёзных шагов к налаживанию отношений с Тегераном. Администрация Дж. Картера сконцентрировалась на сложных арабо-израильских переговорах в Кэмп-Дэвиде, в то время как американское посольство в Иране находилось в полуосадном положении [Emery C., 2013: 94; Sick G., 1985: 160]. Религиозное руководство послало Вашингтону чёткий сигнал, что оно не намерено терпеть послом в стране У. Салливана, считавшегося одним из сторонников шахской власти среди американского политического истеблишмента [Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т., 2019].

6 апреля 1979 г. У. Салливан покинул свой пост, исполняющим обязанности стал его первый заместитель Чарльз Наас [Emery C., 2013: 101]. Правительство М. Базаргана, обеспокоенное нестабильностью в приграничных районах, готово было вступить в контакт с американцами, чтобы начать решение назревших проблем и получить информацию, которую бы американцы могли предоставить об иностранном влиянии на антиправительственные движения в Иране. В начале апреля, а затем в начале мая прошли встречи иранского премьер-министра М. Базаргана и его заместителя А. Энтезама с Ч. Наасом [Gasiorowski M., 2012: 617]. Канал дипломатической коммуникации между двумя сторонами был вновь открыт.

В мае администрация Дж. Картера наконец обратила должное внимание на иранский вопрос. В Белом доме выбрали кандидата на роль нового американского посла – Уильяма Катлера, уже работавшего в Иране в 1960-х годах и не замешанного в связях с шахом [Precht H., 2004: 30]. Выход Ч. Нааса на контакт с М. Базарганом был положительно воспринят президентом и его командой.

Параллельно курдским вопросом в Иране заинтересовался Зб. Бжезинский и 4 мая отправил директору Центральной разведки меморандум с запросом на имеющиеся по данной проблематике данные. 16 мая С. Тёрнер предоставил ему ответ [7], где сообщилось, что у ЦРУ по сути нет полноценной и достоверной информации по курдскому вопросу ввиду отсутствия квалифицированных специалистов. Главным источником для ЦРУ служили донесения турецкой разведки, которыми Анкара готова была поделиться с американцами.

Центральным вопросом, интересовавшим Зб. Бжезинского, была степень вовлечённости СССР в курдские дела. Разведка по этому поводу подготовила уклончивый ответ, отметив, что имеет лишь сообщения из третьих стран о косвенной помощи, оказываемой Москвой через лояльные левые партии («Туде» и Иракскую коммунистическую партию), иранским, турецким и иракским курдам. Советник президента США по национальной безопасности просил С. Тёрнера организовать работу по курдскому вопросу, чтобы отслеживать изменения в позиции курдских политических сил в отношении Тегерана, а также возможное вовлечение СССР в курдскую проблему [2].

На пути нормализации американо-иранских отношений стояли серьёзные помехи, связанные с еврейским и курдским вопросами во внутренней политике иранских властей. И евреи, и курды испытывали притеснения со стороны руководящих сил исламской республики. Американская общественность и средства массовой информации обвиняли Тегеран в притеснениях курдов и евреев, особенно в связи с массовыми казнями представителей этих диаспор [Precht H., 2004: 30]. В Конгрессе США также складывалось негативное мнение о режиме Хомейни, которому ставились в вину множественные акты попрания прав человека.

17 мая, в ответ на казнь иранского бизнесмена-еврея Х. Элгханиана, которого обвинили в «экономическом империализме» и шпионаже в пользу Израиля [14], Конгресс США принял резолюцию, автором которой был сенатор с еврейскими корнями Дж. Джавитс. Резолюция призвала Иран отказаться от массовых казней без надлежащих правовых процедур и требовала от американского руководства принять необходимые меры, чтобы предотвратить любые возможные акты терроризма со стороны иранцев в США [16]. Также резолюция порицала репрессии против национальных меньшинств, развёрнутые клерикальным режимом [Emery S., 2013: 103]. Ответом Тегерана стал отказ принять У. Катлера в качестве посла и грозная отповедь Р. Хомейни, ретранслированная американцам через министра иностранных дел Э. Язди [Precht H., 2004: 31]. Сторонники антиамериканской линии в Иране увидели в этой резолюции «руку сионизма». США пришлось отозвать Ч. Нааса, а на его место с 16 июня поверенным в делах был назначен Брюс Лэйнген [Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т., 2019].

Июль оказался продуктивным для американо-иранских отношений: сторонам удалось прийти к частичной договоренности в отношении закупленных ранее, но так и не поставленных Ирану военных товаров из США. Положительно на этом процессе сказался и рост ирано-иракских противоречий. Ирак стал центром концентрации антирелигиозных сил, желавших смены режима в Иране [5: 434-435]. Американцы проявили инициативу и сами обратились к правительству М. Базаргана с информацией об иракских действиях. В обмен Вашингтон также хотел получать сведения, касающиеся деятельности различных иранских политических сил и их мнений в отношении США [Gasiorowski M., 2012: 619]. Иранская сторона ответила согласием, после чего были налажены секретные

контакты между администрацией Дж. Картера и правительством М. Базаргана посредством третьих лиц. Премьеру чрезвычайно важно было скрыть эту часть своей деятельности от иранской публики и клерикального звена политического руководства.

Постепенно очевидным для Тегерана становился факт, что иранские курды, в первую очередь ДПИК, стали получать поддержку Багдада. Это привело к окончательному срыву перемирия, заключённого в марте. Духовный лидер иранских курдов А. Мофтизаде, один из творцов перемирия, раскритиковал действия как религиозного руководства страны, так и секулярных политиков, вступивших на путь соглашательства с врагами Ирана [Ezzatyar A., 2016: 139]. В конце июля – начале августа участились бои между лояльными Хомейни силами (в первую очередь недавно созданным Корпусом стражей Исламской революции⁴) и сторонниками ДПИК.

На сторону курдов вновь встал Конгресс США. В августе сенатор-демократ У. Проксмайер обратился с письмом к президенту, в котором высказал опасения относительно намерений США продолжить поставку военной техники в Иран и указывал на то, что Тегеран будет использовать полученное американское вооружение против курдского населения в Западном Иране [Emery C., 2013: 117]. Он также выступил с яркой речью на заседании Сената и был поддержан в Палате представителей демократом Т. Дэшлом и республиканцем Р. Майклом [Meho L., 2004: 33-34]. Однако вызвать такой же резонанс, какой вызвал еврейский вопрос, ревнителям курдских интересов не удалось. Тегеран никак не отреагировал на браваду американских парламентариев.

В целом позитивные сдвиги июля – августа позволили госсекретарю С. Вэнсу заявить, что «американо-иранские отношения стали понемногу улучшаться» [Vance C., 1984: 368]. В то время как связи американского и иранского правительств расширялись, росло недоверие клерикального руководства Ирана к М. Базаргану. Критическим моментом для отношений Базаргана с американскими дипломатами стало прибытие свергнутого шаха Пехлеви в США 22 октября 1979 г. [Carter J., 1982: 455]. Решение позволить беглому монарху пройти в США курс лечения вызвало бурю негодования среди радикально настроенных сторонников Исламской революции [Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т., 2019].

ЗАХВАТ АМЕРИКАНСКИХ ЗАЛОЖНИКОВ В ТЕГЕРАНЕ: ПОИСК ОТВЕТА НА ИРАНСКИЙ ВЫЗОВ (ноябрь 1979 г. – апрель 1980 г.)

Резкий поворот в американо-иранских отношениях произошёл после захвата американского посольства в Тегеране 4 ноября 1979 г. радикально настро-

⁴ Корпус стражей Исламской революции (КСИР), также известны как Пасдаран (с персидского – «стражи») – часть специальных вооружённых сил Ирана, созданная 22 апреля 1979 г. для защиты Исламской революции и её завоеваний.

енными студентами, назвавшими себя «учениками Хомейни»⁵. Вашингтону были предъявлены требования: вернуть шаха М.Р. Пехлеви, который в тот момент всё ещё находился в Соединённых Штатах, и всего вывезенного шахской семьёй и «отобранного у народа» состояния в Иран [Parsi T., 2007: 90].

В ответ США разорвали дипломатические отношения с Ираном и ввели санкции. События 4 ноября стали причиной ухода в отставку правительства М. Базаргана, после чего власть полностью перешла к сторонникам аятоллы Хомейни и духовенству. Документы, захваченные в американском посольстве и свидетельствовавшие о тайных контактах Базаргана с США, были использованы против членов его правительства и послужили основой ряда судебных процессов, по сути завершивших разгром демократической оппозиции в Иране [Gasiorowski M., 2012: 625-626]. В американском обществе эти события вызвали бурю негодования. Накал напряжённости и вероятность военного вторжения в Иран были настолько высоки, что обеспокоенность появилась даже у советского руководства в Москве. Послу А.Ф. Добрынину пришлось довести до сведения Зб. Бжезинского, что СССР не останется в стороне, если произойдёт военное вмешательство США в дела Ирана [Добрынин А.Ф., 1996: 452].

Возросшее напряжение между Тегераном и Вашингтоном давало иранским курдам надежду на то, что американское правительство поддержит их в борьбе с исламским режимом. В СНБ действительно стали рассматривать возможность использования курдского сепаратизма в развернувшемся кризисе. Крайнюю позицию занял Зб. Бжезинский, вновь вернувшийся к идее военной операции против режима Хомейни с привлечением национальных (курды и белуджи) и религиозных (сунниты) контрреволюционных движений [5: 121-122]. Зб. Бжезинскому оппонировали госсекретарь С. Вэнс и глава аппарата Белого дома Г. Джордан [Jordan H., 1982: 43-44; Vance S., 1984: 399], которые считали, что военная операция подорвёт престиж США как страны-миротворца (после подписания кэмп-дэвидских соглашений 1978 г. администрация Дж. Картера приобрела такую репутацию и дорожила ею) и может привести к казни заложников, что лишь усугубит положение администрации накануне президентских выборов в США.

К ноябрю 1979 г., однако, американцы упустили благоприятный момент для использования курдского фактора в борьбе с Ираном. После смерти в марте 1979 г. Муллы Мустафы Барзани руководство отошло к его сыновьям Идрису и Масуду. Весной – летом 1979 г. Масуд Барзани оставался в Вашингтоне и пытался встретиться с представителями Госдепартамента США и членами разведывательного сообщества [3: 78], использовать небольшое, но сплочённое курдское лобби [Meho L., 2004: 36]. Сотрудники Госдепартамента и ЦРУ не проявили за-

⁵ Было захвачено около 90 человек, однако в плену остались только 52 дипломата США: радикалы отпустили на волю женщин, чернокожих и всех, кто имел иное гражданство [Parsi T., 2007: 89].

интересованности. В это время командующим иракскими курдами «на местах» стал старший сын Муллы Мустафы – Идрис, который не горел желанием вновь подчиниться американскому диктату [O'Ballance E., 1996: 112-114]. Он стал искать контакты с исламским режимом в Иране [6]. Из-за того, что с лета 1979 г. шло активное противостояние между иранским правительством и ДПИК, иранские и иракские курды оказались по разные стороны баррикад [O'Ballance E., 1996: 115-118]. Раскол усугубился после начала ирано-иракской войны. Влияние курдской междоусобицы отразилось и на планах США: трижды (в конце ноября, затем в декабре 1979 г. и в начале марта 1980 г.) Зб. Бжезинский направлял запросы в ЦРУ о состоянии иранской оппозиции режиму Хомейни. В ответных докладах ЦРУ курды характеризовались как ненадёжные партнёры, и их потенциал в борьбе против Ирана оценивался крайне невысоко [1; 17; 18].

Политические дебаты о широкомасштабной военной операции США в Иране затихли с вводом советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. [Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т., 2016: 108]. «Советская агрессия», как обозначил её Зб. Бжезинский, «поставила крест на операции» [Brzezinski Zb., 1983: 431]. Применение силы в Персидском заливе, с одной стороны, могло привести к обвинениям США в том, что они действуют в тандеме с СССР и стремятся поделить Средний Восток между собой на сферы влияния, с другой стороны, грозило прямым военным столкновением двух сверхдержав. Это не отменяло того факта, что, с точки зрения Вашингтона, Советский Союз стоял на границе Персидского залива, и его выхода к нефтяным ресурсам региона допустить было нельзя [Воробьёва Т.А., Юнгблюд В.Т., 2016: 108]. Вашингтон был готов поддержать оппозиционные силы в Иране, но только те, которые не выступали с позиций антиамериканизма и не были связаны с левыми идеями [8]. Внутриполитические дебаты имели результатом отход американского руководства от планов поддержки националистических и сепаратистских движений в Иране, поскольку их сочли, по американской терминологии, «слишком левыми» и недостаточно лояльными США.

Вместо использования внутренней оппозиции в апреле 1980 г. американцы попытались осуществить секретную военную операцию по освобождению заложников из посольства в Тегеране [Brzezinski Zb., 1983: 500]. Неудачный десант 24 апреля 1980 г. имел следствием ужесточение иранской политики в отношении США [Emery C., 2013: 180-181] и очередную волну преследований оппозиционных режиму Хомейни сил, в том числе курдов [9; 10; 11; 12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенная в мае 1980 г. властями Ирана военная операция в Западном Курдистане отвлекла часть армейских подразделений и батальонов КСИР на

подавление курдского движения⁶. Следствием распыления сил стали проблемы в коммуникации и логистике иранских боевых частей, которых начало ирано-иракской войны 17 сентября 1980 г. застало врасплох. Попытки президента Ирана А. Банисадра договориться с курдами после начала войны не нашли поддержки ни среди самих курдов, ни у иранского духовенства и подконтрольного им КСИР. Боевые действия в Иранском Курдистане продолжались в течение всей ирано-иракской войны и даже после её окончания.

Американская позиция по курдскому вопросу в 1977–1980 гг. не была последовательной. Реакция на просьбы курдов о поддержке, как правило, была обусловлена отношением США к находящимся у власти в Тегеране правителям и созданным ими режимам. Исламская революция стала событием, выдвинувшим курдскую проблему в Иране на передний план внутрииранской и международной политики. Ситуация побуждала администрацию Дж. Картера искать контакты как с иранским руководством, так и с курдскими представителями для того, чтобы иметь рычаги давления на нестабильную ситуацию в регионе.

Расчёт Белого дома на способность правительства М. Базаргана поддерживать американо-иранские отношения на приемлемом уровне удерживал руководство США от установления отношений с курдскими политическими силами и заставлял пренебрегать сигналами, исходившими от иракских и иранских курдов. Ослабление позиции Базаргана в октябре – начале ноября 1979 г., рост антиамериканской риторики иранского духовенства и радикализация сторонников Хомейни не были своевременно зафиксированы американскими разведывательными и дипломатическими структурами. По этой причине иранская ситуация не получила должной оценки, что привело к захвату посольства в ноябре 1979 года.

Резкое ухудшение ситуации после ноябрьских событий привело членов СНБ к идее военной операции против Ирана. Однако благоприятный момент для использования курдского движения был практически упущен: лидеры иракских

⁶ Формально военная операция против курдских сепаратистов началась 17 августа 1979 г., когда аятолла Хомейни выпустил фетву против оппозиционных курдских лидеров. Первый этап (с 17 августа по 20 сентября 1979 г.) завершился установлением временного контроля над ключевыми городами Иранского Курдистана. Однако уже к декабрю 1979 г. объединённые курдские силы под руководством ДПИК смогли выбить оставшийся после ротации незначительный иранский гарнизон. Вслед за избранием на пост президента Ирана А. Банисадра (вступил в должность 4 февраля 1980 г.) новое иранское руководство организовало очередное наступление в Курдистане, продолжавшееся с 4 по 29 февраля 1980 г. Вооружённые силы не смогли добиться значимых успехов. В марте – апреле 1980 г. шёл переговорный процесс, также ни к чему не приведший. В мае и августе 1980 г. были предприняты ещё две безуспешные попытки наступлений. С началом в сентябре 1980 г. ирано-иракской войны военная операция в Иранском Курдистане стала её частью. Параллельно с военной операцией вооружённых сил Исламской республики проходила карательная экспедиция КСИР под командованием аятоллы С. Халхали, имевшего мандат от рахбара (духовного главы республики – Хомейни) на расправу с деятелями курдского движения и уличённых в помощи им гражданских лиц любой национальности и вероисповедания без суда и следствия [Ezzatyar A., 2016:140-141, 143, 148; McDowall D., 2004: 263].

курдов в поисках средств борьбы против Багдада обратились к Тегерану, тогда как иранские курды представлялись «слишком левыми и антиамериканскими», чтобы Вашингтон мог иметь с ними дело. Многочисленным курдским политическим движениям в Иране пришлось либо подчиниться требованиям исламского режима, либо начать партизанские действия и обратиться за помощью к Ираку – естественному противнику Тегерана.

Несогласованность позиций ключевых лиц, ответственных за выработку внешнеполитических подходов США (в первую очередь госсекретаря С. Вэнса и советника президента по национальной безопасности Зб. Бжезинского) по различным проблемам, в том числе в отношении событий в Иране и курдской проблемы, также воспрепятствовала выработке принципиального политического курса.

Нерешительность администрации Дж. Картера в отношении иранской оппозиции при переходе власти от шаха к умеренному правительству Ш. Бахтияра, а затем нежелание поддержать курдов, когда у власти в Тегеране встало считавшееся умеренным правительство М. Базаргана (лояльное режиму Хомейни), вошли в список причин, по которым движение курдов не смогло отстаивать своё право на автономию в рамках Ирана. Курдские партии, несмотря на обещания иранских духовных лидеров, приближённых к Хомейни, были отстранены от принятия решений при формировании системы государственной власти исламской республики. Недовольство курдов было воспринято в Тегеране как попытка дестабилизировать страну, которая, в свою очередь, привела к началу военной операции в Иранском Курдистане.

Отсутствие контактов с представителями ключевых курдских организаций в Иране, Ираке и Турции исключало получение достоверной и чёткой информации по курдской проблеме в период Исламской революции. Вместе с тем просчёты американской разведки в оценках курдского движения, связей его представителей с СССР и их позиции в отношении США давали негативный результат в планировании американской политики в отношении Ирана, укрепляли недоверие американского правительства к иранским курдам. Следствием становилось нежелание вступать в контакты с ДПИК или курдскими умеренными силами (движениями шейха Хусейни или А. Мофтизаде).

Ирано-иракский конфликт, ставший своеобразным итогом международной политической борьбы, развернувшейся вокруг Исламской революции, вынудил курдские политические организации Ирана определяться с линией поведения в отношении Тегерана, искать себе политических союзников, в число которых по объективным причинам уже не входили США.

В краткосрочной перспективе такое положение привело к утрате Вашингтонском потенциального рычага давления на Тегеран, способствовало пересмотру оценок по курдскому вопросу в негативном ключе.

В долгосрочной перспективе это привело к антагонизму интересов США в регионе, желавших получить политические дивиденды от ирано-иракского про-

тивостояния и улучшить отношения как с Багдадом, так и с Тегераном, с устремлениями курдов к политической независимости. Закономерным итогом этого стало практически полное аннулирование американо-курдских отношений вплоть до кризиса в Персидском заливе 1990–1991 годов.

ИСТОЧНИКИ

[1] Current Situation in Iran. December 31, 1979 // CIA Freedom of Information Act Electronic Reading Room (далее – CIA FOIA). Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500100019-9> (accessed 12.05.2019).

[2] Dear Zbig. September 25, 1979 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp83-00714r000100160008-2> (accessed 12.05.2019).

[3] Documents from the US Espionage Den, Iran Embassy - CIA Station. Tehran. 1979. Vol. 31. 149 p.

[4] Foreign Relations of the United States, 1977-1980. Vol. VIII. Wash.: United States Government Printing Office, 2013. 1337 p.

[5] FRUS, 1977-1980. Vol. XVIII. Wash.: United States Government Printing Office, 2015. 935 p.

[6] Impact of Iranian and Afghan Events on South Asia. January 1, 1980 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp09-00438r000100450001-9> (accessed 12.05.2019).

[7] Intelligence on the Kurds. May 16, 1979 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/intelligence-kurds> (accessed 12.05.2019).

[8] Iran: The Reemergence of the Left. December 1, 1979 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500100026-0> (accessed 12.05.2019).

[9] Memorandum for the Honorable Edmund S. Muskie from Stansfield Turner. May 27, 1980 // CIA FOIA.

Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500110038-7> (accessed 12.05.2019).

[10] National Intelligence Daily. Monday, April 28, 1980 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/0005148760> (accessed 12.05.2019).

[11] National Intelligence Daily. Saturday, May 17, 1980 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82t00466r000300010041-0> (accessed 12.05.2019).

[12] National Intelligence Daily. Wednesday, April 2, 1980 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp82t00466r000200020009-1> (accessed 12.05.2019).

[13] New York Magazine. October 4, 1976. P. 65.

[14] No Vendettas Seen Against Iran's Jews // The New York Times. May 28, 1979. P. 5.

[15] Rising criticism of the leaks. February 9, 1976 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp91-00561r000100090038-1> (accessed 12.05.2019).

[16] S.Res.164. An original resolution relating to human rights in Iran. 96th Congress (1979-1980) // Congressional Record. Available at: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/senate-resolution/164> (accessed 12.05.2019).

[17] Soviet Attitude toward Iran. December 6, 1979 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/libraryreadingroom/document/cia-rdp81b00401r000500160019-3> (accessed 12.05.2019).

[18] Soviet Covert Action in Iran. March 10, 1980 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp81b00401r000500160016-6> (accessed 12.05.2019).

[19] The CIA Report the President Doesn't Want You to Read // Village Voice. February 16, 1976. P. 70-92.

[20] Turkey Problems for Ecevit. December 22, 1978 // CIA FOIA. Available at: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp80t00634a000500010039-9> (accessed 12.05.2019).

[21] U.S. House. Hearings before the Committee on Standards of Official Conduct. Investigation of Publication of Select Committee on Intelligence Report. 94th Congress, 2nd Session. July 19, 20, 21, 22, 26, 27, 28 and 29, September 8, 14, 15, 1976. Available at: <https://archive.org/details/PikeCommitteeReport> (accessed 12.05.2019).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т. 2016. Афганистан в политике СССР и США в 1979 г. // Вопросы истории. № 10. С. 105–125.

Воробьева Т.А., Юнгблюд В.Т. 2019. США теряют союзника на Ближнем Востоке: политика администрации Дж. Картера в отношении Ирана, 1977–1980 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 10. Выпуск 3 (77). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. Available at: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (accessed: 13.06.2019).

Добрынин А.Ф. 1996. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор. 688 с.

Сенников А.И. 2019. Генри Киссинджер и курдский вопрос в американской внешней политике 1970-х гг. // История, политология, социология, философия: теоретические и практические аспекты / Сб. ст. по материалам XIX–XX междунар. науч.-практ. конф. № 4–5 (14). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК». С. 10–14.

Сенников А.И. 2017. Иракские курды в политике США в 1969–1976 гг. // Вестник Вятского государственного университета. №10. С. 74–84.

Сенников А.И. 2018. Курдский вопрос в ближневосточной политике администрации Дж. Картера в 1977–1978 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1. С. 41–47.

Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. №6 (200). М.: Наука. 128 с.

Чернова А.Ф. 2011. Курдская проблема в ирано-иракских отношениях второй половины XX века // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). №1. С. 99-101.

REFERENCES

- Banuazizi A. 1988. The State, religion, and ethnic politics Afghanistan, Iran, and Pakistan / Ed. by A. Banuazizi, M. Weiner. N.Y.: Syracuse University Press. P. 186.
- Brzezinski Zb. 1983. Power and Principles. Memoirs of National Security Adviser 1977-1981. N.Y.: Farrar, Straus, Giroux. 587 p.
- Carter J. 1982. Keeping Faith. Memoirs of a President. N.Y.: Bantam Books. 622 p.
- Chernova A.F. 2011. Kurdsкая problema v irano-irakskih otnosheniyah vtoroy poloviny XX veka [Kurdish problem in Iran-Iraq relations in second half of XX century] // Obschestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana). No.1. P. 99-101.
- Dobrynin A.F. 1996. Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentah SShA (1962-1986 gg.) [Especially confidentially. The ambassador in Washington during the six Presidents of USA (1962-1986)]. M.: Avtor. 688 p.
- Emery C. 2013. US Foreign Policy and the Iranian Revolution. The Cold War Dynamics of Engagement and Strategic Alliance. N.Y.: Palgrave Macmillan. 267 p.
- Entessar N. 1984. The Kurds in post-revolutionary Iran and Iraq // Third World Quarterly, 6:4. P. 911-933.
- Ezzatyar A. 2016. The Last Mufti of Iranian Kurdistan. N.Y.: Palgrave Macmillan. 246 p.
- Gasiorowski M. 2012. US Intelligence Assistance to Iran, May-October 1979 // Middle East Journal. Vol. 66. No. 4. P. 613-627.
- Gunter M. 2008. The Kurds Ascending. The Evolving Solution to the Kurdish Problem in Iraq and Turkey. N.Y.: Palgrave Macmillan. 178 p.
- Jordan H. 1982. Crisis: the last year of the Carter presidency. N.Y.: G.P. Putnam's Sons. 431 p.
- Kissinger H. 1999. Years of Renewal. N.Y.: Simon & Schuster.
- Korn D. 1994. The Last Years of Mustafa Barzani // Middle East Quarterly. Vol. 1. No.2. P. 12-27.
- McDowall D. 2004. A Modern History of the Kurds. N.Y.: Palgrave Macmillan. 515 p.
- Meho L. 2004. Kurdish question in U.S. foreign policy: a documentary sourcebook / [compiled by] Lokman I. Meho. Westport, Conn.: Praeger. 698 p.
- O'Ballance E. 1996. The Kurdish Struggle, 1920-94. N.Y.: Palgrave Macmillan. 251 p.
- Ozoglu H. 2013. Molla Mustafa Barzani in the USA 1975-1979 // The Copernicus Journal of Political Studies. No. 2 (4). P. 207-209.
- Parsi T. 2007. Treacherous alliance: the secret dealings of Israel, Iran, and the United States. New Haven: Yale University Press. 361 p.
- Precht H. 2004. The Iranian Revolution: An Oral History with Henry Precht, Then State Department Desk // Middle East Journal. Vol. 58. No. 1. P. 9-31.
- Sennikov A.I. 2019. Genri Kissindzher i kurdskiy vopros v amerikanskoj vneshnej politike 1970-h gg. [Henry Kissinger and Kurdish question in US Foreign Policy of 1970s] // Istoriya, politologiya, sociologiya, filosofiya: teoreticheskie i prakticheskie aspekty / Sb. st. po materialam XIX-XX mezhdunar. nauch.-prakt. konf. No. 4-5 (14). Novosibirsk: Izd. ANS "SibAK". P. 10-14.

Sennikov A.I. 2017. Irakskie kurdy v politike SShA v 1969-1976 gg. [Iraqi Kurds in US Policy in 1969-1976] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 10. P. 74-84.

Sennikov A.I. 2018. Kurdskij vopros v blizhnevostochnoj politike administracii Dzh. Kartera v 1977-1978 gg. [Kurdish issue in the Middle East Policy of the Carter administration in 1977-1978] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. No. 1. P. 41-47.

Sick G. 1985. All Fall Down: America's Fateful Encounter with Iran. London: I.B. Tauris & Co Ltd. 366 p.

Special'nyj byulleten' instituta Vostokovedeniya AN SSSR [Special Bulletin of the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences]. No.6 (200). M.: Nauka. 128 p.

Vance C. 1984. Hard choices: Critical years in America's foreign policy. N.Y.: Simon and Schuster. 541 p.

Vorob'yova T.A., Yungblyud V.T. 2016. Afganistan v politike SSSR i SShA v 1979 g. [Afghanistan in USSR and US policy in 1979] // Voprosy istorii. No. 10. P. 105-125.

Vorob'eva T.A., Yungblyud V.T. 2019. SShA teryayut soyuznika na Blizhnem Vostoke: politika administracii Dzh. Kartera v otnoshenii Irana, 1977-1980 gg. [The US is losing an ally in the Middle East: Carter's administration policy toward Iran, 1977-1980] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya". T. 10. Vypusk. 3 (77) [Elektronnyj resurs]. Dostup dlya zaregistrirovannyh pol'zovatelej. Available at: <https://history.jes.su/s207987840005469-4-1/> (accessed 13.06.2019).

Информация об авторе / Information about the Author

Сенников Алексей Иванович, аспирант 3-го курса кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета. Российская Федерация, 610020, г. Киров, ул. Московская, 36.

Alexey I. Sennikov, postgraduate student of the Vyatka State University, Department of History and Political Sciences. 36 Moskovskaya St., Kirov, 610020, Russian Federation.